

ГЛАЗНЕВ АНДРЕЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ

СЁСТРЫ ИСКУПЛЕНИЯ: САРА

ПУТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Глазнев

Сёстры искупления: Сара

«Автор»

2017

Глазнев А. А.

Сёстры искупления: Сара / А. А. Глазнев — «Автор», 2017

На заре человечества первая мать, искушённая тёмными силами, согрешила против творца. Грех первой матери лёг тяжким бременем на всех её дочерей. Тёмное проклятье передаётся от одного поколения другому вместе с родимым пятном на предплечье в форме головы козла. Желая искупить грех первой матери, дочери Козла стали на путь искупления, чтобы противостоять inferнальному злу, проникающему в нашу реальность из потустороннего мира. В наши дни Сара Зеницына, верная заветам предков, продолжает идти по пути искупления, сражаясь с демонами и монстрами в человеческом обличье. Содержит нецензурную брань.

© Глазнев А. А., 2017

© Автор, 2017

Сон – река, в которой уставший разум смывает с себя пыль реального мира. Чувства, переживания, тревожные мысли, грехи и благие деяния.

Воды сна нежно омоют разум, заберут с собой лишнее. Что – то оставят нетронутым на берегах памяти. Что – то навсегда скроют тёмные воды забвения.

Для Сары Зеницыной, сон ловушка. Капкан, угодив в который она обречена на бесконечное блуждание по лабиринту кошмаров.

Сон Сары – тёмное озеро со скользкими отвесными берегами. Угодив в его тёмные, ядовитые воды она уже не сможет выбраться, не испив до дна уготованную ей злой судьбой чашу страданий.

Воды проклятого озера – слезы сестёр и матерей, слёзы всех женщин рода Сары. Всех тех, кто жил и умер до неё. Кто, угодил в коварную ловушку, задолго до своего рождения. Всех кто носил на себе метку Козла.

Небольшое родимое пятно в форме головы козла, на предплечье, злорадное напоминание свыше о том, что обладателю «проклятой метки» не приходится ждать от жизни ничего хорошего ни до, ни после смерти.

Сара не спала больше пяти суток, из глупого упрямства, всё ещё пыталась бороться с судьбой, сопротивляться усталости, хотя по опыту знала, насколько это бессмысленно. Нуждающийся в отдыхе разум, начнёт тихо и незаметно размывать грань между явью и сном. И призраки до этого слепо блуждавшие в сумраке подсознания обретут плоть и силу, что бы выбраться на поверхность измученного бессонницей сознания и пересечь тонкую, зыбкую черту между реальностью и фантазией.

Отложив в сторону Библию, святую книгу в которой Сара и женщины, в чьих жилах текла проклятая кровь Козла, напрасно искали ответы на вопросы терзавшие «сестёр искупления» веками.

Почему они? Почему господь покарал именно их? Почему добрые дела совершённые ими во славу его не наполнили и не искупили чашу родового греха.

Сара медленно поднялась из кресла, устало потянулась, еле – еле доплелась до кровати. Прежде чем без сил рухнуть на постель и беспомощно погрузиться в бездонный, чёрный омут сна. Молодая женщина заставила себя опуститься на колени, что бы в тишине помолиться за тех, чей грех, ветер времени выветрил из человеческой памяти, за тех, кто ушёл во тьму, так и не сумев до конца пройти путь искупления и увидеть свет. За тех, кому не хватило сил и удачи осушить чашу греха первой матери.

Отдельно и долго молилась за ту, воспоминание о которой, до сих пор приносили страдания, сердце сжималось от боли и продолжало кровоточить. Последнюю молитву Сара произнесла уже на границе яви и сна, не в силах разомкнуть «слипшиеся» от усталости веки, умоляла творца всего сущего указать путь к свету. Даровать испытание, которое смягчит гнев сердца его и подарит навеки проклятому роду дочерей Козла искупление древнего окутанного тайной и тьмою веков греха. Греха – который не давал сёстрам пути искупления обрести счастье и покой на небесах в преисполненном света и благодати долинах рая.

Сара уснула стоя на коленях, упёршись локтями в кровать, молитвенно сложа ладони перед собой, срываясь в омут сна, продолжала мысленно взывать к милосердию того, кто отвернулся от неё ещё за вечность до её рождения.

Сон Сары, тёмная нора в которой она оказывалась каждый раз, следуя за больным бешенством, чумным кроликом. Он бежал впереди следующей за ним по пятам Сары, харкая кипящей кровью, оставлял светящийся во мраке, характерный знак. Зловещий след, который вёл лишённую выбора и силы воли Сару в чертоги ада.

Они были там, все умершие женщины её рода. Независимо от того какую жизнь они выбрали: жизнь полную добродетели или жизнь преисполненную греха, прославляющего

власть тьмы. Независимо от того какой путь они выбрали: тернистую стезю искупления или широкий шлях разнузданности и вседозволенности. Итог для всех был один, преступив порог смерти, все дочери Козла оказывались в одном не очень хорошем месте, минуя чистилище, попадали напрямиком в ад, где жуткие, кошмарные монстры обрекали их на вечные, бесконечные муки.

Адский огонь – вот удел усопших дочерей Козла. А уделом живых было каждую раз погружившись в сон, наблюдать за страданиями умерших родственников.

Бесплотный призрак Сары стремительно нёсся по наполненным мраком и страданиями долинам ада, подчиняясь зову злобной, бессердечной силы. Мимо как в калейдоскопе мелькали искажённые страданиями лица грешниц. Напрасно призрачные руки изо всех сил затыкали бесплотные уши, пытаясь приглушить доносящуюся со всех сторон какофонию боли и безграничной муки.

Ужасные, разнообразные, бессмысленные пытки грешниц, отпечатывались в памяти, что бы потом ещё долго преследовать и терзать Сару наяву.

Иногда, она узнавала, в проносящихся мимо, искажённых болью лицах, родственников, подруг, знакомых и тогда она особенно чётко, начинала ощущать их боль.

Саре хотелось верить, что она забирает себе частичку их невыносимых страданий, делая терзающую души боль, меньше и более терпимой.

Тёмная сила завладевшая её душой, безжалостно выбросила Сару в долину окутанную мраком, где землю заменяло толченное стекло, а жуткая трава, покрывавшая всю долину, засохшей коростой, была похожа на проволоку. Жирные капли яда маслянисто блестели на жёстких стеблях, никогда не знавших ласки солнца. Кровь несчастных созданий ступавших по этой жуткой траве, вот что служило живительной силой для дьявольской растительности.

Не зная куда идти, Сара растерянно смотрела по сторонам, густой, непроницаемый, ядовитый туман окутывал всё вокруг. Жуткий демонический хохот служил путеводной звездой. Этот насыщенный яростью и злом смех был ей хорошо знаком, он преследовал её с тех пор, как Саре исполнилось восемнадцать и она начала видеть преисполненные ужасом и страданиями сны.

Златоуст, так звали демона, взявшего над ней опеку в её бесконечных путешествиях по аду.

Проклятая долина никогда не знала даже слабого дуновения ветерка, но плотная стена тумана раздвинулась в стороны, словно ширма, перед началом представления дурного, бродячего театра.

На открывшейся взору поляне, стоял рослый двухметровый монстр, рядом с кипящим котлом, в белой дурацкой, поварской шапке. Поленьями адскому костру, бушевавшему под гигантским котлом, служили обнажённые женские тела.

Старые и молодые, толстые и худые, красивые и уродливые все они вопили от боли, пожираемые живо жутким огнём, раздувая своими воплями терзающее плоть пламя. Сара не сомневалась, все эти женщины приходятся ей родней.

Склонившись над котлом, демон Златоуст, сосредоточенно читал почерневшую от копоти и времени поваренную книгу, при этом огромной палкой, он удерживал кого – то на дне котла.

– Перхоть старой девственницы, слёзы затраханной до полусмерти шлюхи, десять монет из соковок умершего от голода скряги, необрезанные ногти пожилой дуры, думавшей, что она прожила жизнь по закону божьему. – Увлечённо бормотал монстр, демонстративно не обращая внимания на Сару.

Наконец словно почувствовав призрачное присутствие, демон соизволил повернуть в её сторону косматую, поросшую рыжей короткой шерстью голову, украшенную огромными

рогами. Монстр приветливо, словно старой знакомой, улыбнулся Саре, обнажив в полусумасшедшем оскале острые смертоносные клыки хищника.

– Ты как раз к обеду козочка.

Сердце женщины, сжалось в комок пульсирующей боли. Она нигде не видела Милы. Сара растерянно осматривалась по сторонам пытаясь разглядеть в тенях, которые блуждали в окружившем их тумане, погибшую дочь. Всматривалась в костёр, пытаясь отыскать девочку среди «живых» поленьев. Искала Милу до тех пор, пока неожиданно до неё не дошел страшный смысл приготовленной на сегодня для неё и девочки пытки. Взгляд полный дикого ужаса, застыл на палке в руках inferнального создания, которой демон время от времени помещивал адское варево. Сара неотрывно следила за действиями монстра, при этом, тихо, беззвучно моля господу, что бы там, в котле был кто угодно, только не Мила.

– Он не слышит тебя здесь, – демон ехидно захохотал, извлекая из кипящего котла, легковесный, почти невесомый комок агонизирующей плоти. – хочешь о чём – то попросить, попроси меня.

Обваренная, изуродованная до неузнаваемости плоть, безмолвно вопило, источая каждой порой невыносимую боль. Голосовые связки и лёгкие малышки были сожжены, но Саре казалось, что она слышит безумный наполненный болью вопль, разрывающий напополам маленький детский ротик. Из выжженных кипятком глаз стекали капли кипящей жидкости.

Сара безмолвная, окаменевшая, безвольная сжигаемая из нутра бессильной яростью следила за тем, как бессердечный демон пожирает у неё на глазах её девочку.

Жуткая ошибка, чей – то недосмотр. Маленькому ангелочку было не место посреди всего этого ужаса. Чистое, непорочное создание было низвергнуто в ад, только по тому, что появилось на свет из чрева Сары. Только потому, что прародительница Сары прогневала создателя и навлекла его гнев на всех своих дочерей.

– Прости, хотел оставить тебе кусочек, – демон жутким, раздвоенным, словно у змеи языком облизал пальцы, – но она такая аппетитная, не смог удержаться.

– Будь ты проклят!

– Оглянись вокруг детка, – демон прервал безумный хохот, на миг став серьёзным, – мы здесь все прокляты.

Жутко, раздутый живот демона заурчал, начал ходить ходуном. Inferнальное существо садануло себя кулаком в живот, громко «пустило газы».

– Похоже, съел, что – то несвежее, – демон страдальчески закатил глаза, заботливо погладил раздутый живот, – сколько прошло лет, с тех пор, как сдохла твоя дочь, Сара.

Пять лет, пять ужасных лет прошло с тех пор, как одержимый злом водитель грузового фургона протаранил её машину. В которой она вместе со своим мужем Сашей и пятилетней дочерью Милой, пыталась сбежать от уготованной ей судьбы.

Но от судьбы нельзя уйти, теперь Сара это знала. Цена за урок – жизнь Милы и Саши.

Демон присел возле котла, поднатужился, испражнился струёй зловонной жидкости.

Выпрямившись, подошёл к окаменевшему призраку Сары.

– А ведь всё могло быть иначе Сара. – Демон постарался изобразить сострадание. – Если бы ты не была такой упрямой, если бы ты выбрала правильную сторону в этой бесконечной войне света и тьмы, то и к тебе и к твоей малышке в ад относились бы совсем иначе.

Сара не слушала его, сквозь ручьи бегущих из глаз слёз, она следила за тем как из зловонной оставленной демоном лужи, выбирается маленькая, измученная девочка, с потухшим, обречённым взглядом.

– Не переживай за неё, – демон проследил взгляд Сары, легкомысленно махнул рукой, – с ней уже ничего не случится, она мертва, а с мёртвыми никогда ничего не происходит.

– Чего ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты нашла своё место во тьме, что бы ты склонилась предо мной и молилась мне так, как ты молишься тому кто проклял тебя. Что бы ты убивала не во славу того кто не оценит твоих стараний, а во имя ада, который будет торжествовать, радуясь вместе с тобой каждой твоей победе. Присоединись ко мне и ад станет родным домом для тебя и твоей дочери.

Искусная ложь, словно патока, лилась из уст сладкоречивого демона, хотелось безоговорочно верить лживым речам и без сожаления пожертвовать светом души ради спасения дочери. Но дочь Козла, знала одну простую истину, все кто попал в ад обречены на страдания до тех пор пока высший суд не освободит измученную душу и не откроет перед ней райские врата.

Сара полоснула стоящее перед ней чудовище холодным, полным ненависти взглядом такой силы, что монстр невольно отступил на шаг назад, нервно хихикнул.

– Однажды ты заплатишь мне за всю ту боль и страдания, которые причинил моей малышке.

Демон разочарованно покачал рогатой головой, взмахом руки отпустил измученную душу несчастной матери. Злобная сила закружила Сару, словно навсегда утративший дом осенний лист и понесла прочь из ада.

Душа Сары неслась над адской равниной, над демоническими существами которые провожали её жадными, вожделенными взглядами, над грешницами которые смотрели на окружающее их безумие пустыми выжженными болью глазами.

Но окраине заброшенного поля, поросшего странными похожими на тыкву с шипами растениями, высилось распятие к которому словно огородное пугало была прибита женщина из распоротого живота которого свисали гирлянды кишок, к которым тыквы – мутанты жадно тянули свои уродливые листья.

Почувствовав присутствие Сары, грешница с трудом подняла поникшую голову, незрячие глаза отыскиали «незваную гостью», спёкшиеся от жажды губы едва шевелились, но Сара отчётливо расслышала послание одной из дочерей Козла, даже в аду продолжавшей идти по пути искупления.

– Травадонск, – снова и снова, словно молитву бормотала несчастная своё послание.

Стоя у окна самого высокого в Травадонске здания. Михаил Трофимов по прозвищу «Дождь», меланхолично смотрел на город, раскинувшийся у его ног. Было довольно рано и город с его обитателями спал. Отдав опустевшие, заспанные улицы на откуп грязным ключьям тумана и небритым дворникам, которые размеренно, не спеша готовили улицы к началу нового дня.

Когда то Трофимову принадлежал весь город. Средний, провинциальный городишка с населением едва превышающим триста тысяч человек, был его полноправной вотчиной. Где он был и царь и бог.

В дни своей молодости, Трофимов держал город в «железном кулаке». Контролировал всех, полицию, налоговую, прокуратуру, мэрию, даже школы. Родители, не желавшие, что бы рядом с учебными заведениями в которых обучались их драгоценные отпрыски, продавали «дурь», платили его организации чисто символические отступные и все были довольны.

Много воды утекло с тех, он стал стар и слаб и если раньше он держал всех в узде с помощью силы, то теперь ему всё чаще приходилось прибегать к лести, подкупу и хитрости.

Город перестал принадлежать ему, он словно молодая жена вынужденная делить ложе с древним стариком, становился всё дальше и дальше от него, с каждым днём город просачивался песком времени из его сжатого кулака, ускользал между пальцев песчинками домов, крупинками улиц и целыми районами. Дождь перестал быть хозяином города, словно постаревший, ослабевший лев он вынужден был делить тушу убитого буйвола, свою законную добычу, с кучкой обнаглевших койотов – падальщиков.

Эти ничтожества окружавшие его до того обнаглели, что уже в открытую начали намекать старику, пора на заслуженный покой.

Михаил Степанович не хорошо улыбнулся, да он мог бы уйти на покой, денег хватало. Но он точно знал, никакие деньги не заменят власть, которая ускользала от него всё больше с каждым днём и которую он с пылкой, юношеской страстью пытался удержать в своих руках.

Дождь был в таком сильном отчаянье, что в пору открыть окно и броситься вниз головой. Но это выход для окружающих его падальщиков, а не для старого короля, нет, он ещё поборется за место под солнцем и этот город. Он обязательно найдёт способ вернуть контроль над этим погрязшем во лжи и пороке местом.

Дверь за спиной старика бесшумно открылась, на пороге возник Боря Колокольчик, правая рука Михаила Степановича. Своё прозвище Боря получил в шутку, за редкий талант, бесшумно приближаться к своим жертвам, которые замечали его только тогда, когда было уже слишком поздно.

– Дела не ждут, Босс, – в голосе Колокольчика, Дождь слышал нескрываемое недовольство.

В былые годы, эти ублюдки, поставщики «дури», не смели и заикнуться о том, что бы он присутствовал при заключении сделки. Теперь времена изменились, лев постарел, шакалы вспомнили об уважение.

– Ваш заказ. – молоденькая официантка, в легкомысленно коротенькой юбочке, поставила на столик перед Сарой графин водки и тарелочку салата.

подавив раздражение и непреодолимое желание свернуть юной официантке, её симпатичный носик на бок, Сара выдавила из себя кислую улыбку, расплатилась, не поскупилась на щедрые чаевые.

Вот уже неделю дочь Козла торчала в этом занюханном городишке, где ничего не происходило. Нет, криминальная обстановка была высокой и сестра искупления без труда могла найти здесь для себя работу по вкусу.

Но Сара считала, её задача бороться с настоящим злом, а преступностью пусть занимается Бэтмен. Ну, вышла она пару раз на ночные улицы, наказала несколько хулиганов, оторвала местному маньяку ту штуку, что не давала покоя ни ему, ни любящим гулять по ночам женщинам. Скука смертельная!

Но сегодня что – то изменилось, что – то заставило её проснуться ни свет ни заря, собраться и притащиться в эту богом забытую дыру, в которой местные жители предпочитали проводить выходные дни.

Опустив солнцезащитные очки, сестра искупления со скучающим видом смотрела вокруг. Летнее кафе, в которое её привёл путь искупления и тревожное чувство грядущей беды, было забито до отказа. Летняя жара выгнала, из душных квартир, на улицу тех, кто не мог позволить себе и своей семье выехать за город. Площадка перед трёхэтажным зданием, в котором располагалось кафе, была заставлена пластмассовыми столиками с зонтами в центре, под которыми спасаясь от жары, лениво сидели Травадонцы, потягивая прохладительные напитки.

Сара пыталась несколько раз свалить отсюда в расположенный на другой стороне улицы бар, где в запотевшем бокале её ждало оно, холодное, светлое пиво. Но чувство тревожности тут же усиливалась многократно и она вынуждена была продолжать сидеть на одном месте, тупея от жары и сходя с ума от скуки.

Несколько местных плеббеев пытались завоевать её расположение или хотя бы место за столиком, который она занимала в одиночку. Но надменный взгляд холодных карих глаз поверх солнцезащитных очков охлаждал пыл ухажёров и заставлял поспешно ретироваться.

Голова Сары, раскалывалась от выпитого накануне, как назло, через два столика от неё, благим матом орал младенец, родители карапуза, как ни в чем, ни бывало, радостно щебетали друг с другом, механически покачивая коляску со сходящим с ума от рёва младенцем внутри. Сара уже ненавидела и ребёнка и его безалаберных родителей.

Дочь Козла осмотрелась по сторонам пытаясь определить кого ещё раздражает вопящий в коляске комочек плоти. Похоже, покрасневший от слёз карапуз действовал на нервы только ей, посетители понимающе улыбались молодым родителям, легкомысленные официантки агукали и утютюкали крошечному дебоширу.

Слушая его ор, Сара растирала пульсирующие от боли виски, сожалея о том, что нельзя пристрелить карапуза. Поступок недостойный сестры искупления, да и свидетелей многовато. Но, слава богу, коротая время в ожидание неизвестно чего, она могла заказать, выпить.

По меркам непьющих снобов для первой рюмки водки, было ещё довольно рано, день едва перевалил за полдень, от Сары не скрылось неодобрение во взгляде молоденькой дурочки официантки.

Что эта дрянь могла знать о ней, о таких как она, тех, кого презрительно называли дочерьми Козла. О проблемах Сары, о той боли которая свила гнездо у неё в груди и о том пути искупления на который она ступила, едва покинув чрево матери.

Она не была еретичкой, свято веря в бога, упорно продолжала идти по предназначенному судьбой пути, невзирая на тернии и преграды. Знаю свою судьбу наперёд, собиралась выплатить долг сестёр искупления перед творцом всего сущего, до конца. С достоинством пройти часть отведённого ей пути.

Просто иногда становилось обидно и смешно, что в благодарность за праведную, исполненную добродетели жизнь, она была обречена на вечное гниение в аду.

Ладно, не вечное гниение, существовало древнее пророчество, в котором говорилось, однажды сёстры искупления пройдут свой путь до конца и милость божья снизойдёт на всех дочерей козла живых и мёртвых.

Мёртвых он примет в царство своё, исцелит раны, осушит слёзы. Живых наделит благом, что бы эта хрень не значила.

Мысли, вызванные сомнениями в правильности пути, по которому она шла, спровоцировали приступ жажды, жутко захотелось напиться в стельку. Что бы мысли бурлящие в голове потеряли чёткость, боль в груди не оставляющая ни на миг притупилась и она смогла хоть немного отдохнуть от трудностей пути искупления.

Нет, Сара не сдалась и не сошла с избранного пути, просто ей был нужен короткий привал.

Графин незаметно опустел, Сара буквально чувствовала, как с каждой опрокинутой рюмкой, реально становиться легче дышать. Боль, сковавшая грудь, отпустила. И даже вопли малыша не так действовали на нервы, перестали раздражать, наоборот Сара ощутила острое желание посюсюкать и атютюкать.

Меланхолично водя кончиком пальца по родимому пятну на предплечье, напоминавшем голову козла, Сара начала пьяно фантазировать о том, как сложилась бы жизнь, родись она обычной девчонкой, в обычной семье, без этой проклятой «божьей метки» на руке. Смогла бы она встретить своего мужа Сашу, понравиться ему, завоевать его преданность и безграничную, словно море, любовь.

С улыбкой думала, кем она смогла стать в той другой жизни. Моделью, врачом, учительницей, думая о своих ипостасях не смогла сдержать смех, чем привлекла к себе недовольные, осуждающие взгляды окружающих. Но Саре было плевать, единственно, что она умела хорошо делать, это ломать и убивать.

При мысли о Миле, на глаза навернулись слезы, если бы у Милы только был шанс повзрослеть и стать на путь искупления. Её смерть не принесла бы Саре столько боли и страда-

ний. Но отправить маленькую, пятилетнюю девочку в ад! Как бы господь не злился на дочерей Козла в аду не место чистым и невинным.

По дороге, рядом с кафе «Ромашка» в котором Сара покорно ожидала невесть чего, показался эскорт из нескольких джипов. Глядя на быстро приближающуюся вереницу машин, Сара поймала себя на мысли о том, что готова спорить, с кем угодно, металлическое чрево железных зверей, скрывает в себе кучку злобных поганцев с черными душами и замаранными кровью руками.

В голове пожарной сиреной взвыл сигнал тревоге, предчувствие плохого вскружило голову. Совсем скоро привычный, сонный мир вокруг превратиться в ад. Теперь дочь Козла поняла, почему непрерывно орал карапуз, смыслённый малыш просто хотел убраться подальше с этого «проклятого места».

Сара быстро осмотрелась вокруг, оценивая ситуацию, в голове вместо расплывчатых, сопливых, хмельных мыслей, звучал чёткий, хладнокровный, дисциплинированный голос наставницы Феофании. «Нельзя спасти всех, но это не повод сидеть на заднице сложа руки».

Пора прекращать жалеть себя и начинать действовать. Сара быстро вскочила со стула, опрокинув при этом стол. Прежде чем начать действовать, горько подумала о том, что привал окончен, пора возвращаться на путь искупления

– Отличная сделка! – Впервые за день в голосе Бори Колокольчика слышались одобрительные, довольные нотки.

Джип Дождя ехал в середине эскорта, как человек, привыкший всё держать под своим непосредственным контролем, Трофимов предпочитал сам сидеть за рулём автомобиля. Что бы на случай неприятностей у сидящих за его спиной телохранителей были развязаны руки.

Трофимов метнул в сторону сидящего рядом помощника хмурый, раздражённый взгляд. Да, сделка прошла отлично, лучше некуда, но Дождь нутром чуял, что – то пошло не так.

Последние три месяца, он не покидал свою резиденцию. Слишком много было желающих примерить на себя корону короля. За последний год на него пять раз совершали покушение и если бы не звериное чутьё, он бы уже давно лежал в морге с пластиковой биркой на большом пальце ноги.

День начался как – то гладко, он покинул свою штаб – квартиру на рассвете и вот уже долгое время колесил по городу улаживая накопившиеся проблемы, решая дела, заключая сделки. И никто ни то, что не пытался его убить, за пол – дня в его сторону никто даже косо не глянул. Как будто вернулись старые добрые деньки, когда его действительно боялись и все делали вид, что уважают его.

С тех пор прошло много лет глядя в окно автомобиля, на проплывающие мимо изнывающие от жары, сонные улицы, Михаил Степанович сильно подозревал, это затишье перед бурей. Напряжённый взгляд нашёл в зеркале заднего вида раздутую спортивную сумку, набитую до отказа килограммовыми пакетами кокаина. Самая крупная сделка Дождя за последние несколько лет.

Сделка и правда прошла лучше некуда, старик Муслим поставлявший Трофимову товар из стран востока, славился грубостью и жадностью, но сегодня он был само очарование. Муслим, сделал Михаилу Степановичу такую огромную скидку, что Дождь начал думать, что перед ним не прожжённый нарко – борон, а самый настоящий Санта Клаус и на улице не середина лето, а рождество.

Муслим, лез обниматься, целоваться и без конца называл Трофимова то другом, то братом. Словам старого узбека хотелось безгранично верить и если бы не коварная улыбка старика, Дождь повёлся бы как старшеклассница после бутылки шампанского.

В улыбке Муслима, читалось тайное знание, он как будто знал секрет, лично касающийся Трофимова. Словно хитрый провидец, Муслим уже прочёл будущее Дождя. И теперь это зна-

ние распирало его изнутри, словно растущий, гнойный нарыв. Похоже Муслим точно знал, Трофимов больше не жилец.

Дождь задумался, поставил себя на место старого, жадного Муслима и подумал, как бы он мог заработать на человеке которого все хотят убить. В первую очередь продал бы информацию о предстоящей сделке всем заинтересованным лицам. Во вторых постарался бы получить максимальную выгоду от предательства, например, продав два в одном. Голова Трофимова в комплекте с сумкой набитой кокаином. Вот откуда взялась фантастическая скидка от Муслима, кто – то уже заплатил за его шкуру и наркоту.

Дождь нервно выглянул в окно, машина проезжала мимо летнего кафе битком набитого людьми. Если дерьмо с ним сегодня и случится, то только сейчас, через пять минут он будет на территории своей резиденции, недостижим для конкурентов и убийц.

Пытаясь контролировать «механического монстра» одной рукой, Трофимов нащупал в наплечной кобуре рукоятку пистолета. Погладил кончиками пальцев прохладную сталь, пытаясь впитать исходящую от оружия холодную уверенность и безразличное спокойствие. Обычно это помогало мгновенно успокоиться, сосредоточиться, собраться, но сегодня страх разъедал его почерневшую от грехов душу.

Прищулив глаза Дождь озирался по сторонам, едва удерживая под контролем нахлынувшую на него волну паники, в напрасной попытке определить откуда враг нанесёт удар. Хотя может быть это просто паранойя, но как бы то ни было Михаил Степанович предпочитал быть живым параноиком. Почувствовав напряжение шефа, Боря Колокольчик молча достал пистолет и приготовился к любому развитию событий.

Рыжеволосая женщина, привлекла внимание Троицкого. Молодая, статная девица, неожиданно настороженно встрепенулась словно почувствовала стремительно приближающуюся опасность, резко вскочив, бросилась к столику за которым сидела молодая пара с малышом в коляске.

Наблюдая за девушкой Дождь криво улыбнулся и вынув пистолет из наплечной кобуры, уверенно снял его с предохранителя, по крайней мере он не единственный параноик на этой улице.

Как только последняя машина из кортежа Троицкого проехала перекрёсток, грузовая фура заблокировала улицу, отрезав Дождю и его людям, путь к отступлению.

Ехавший перед картежом автофургон резко затормозил и на полной сдал назад. Первую машину кортежа, смяло в лепёшку, огромный джип на приличной скорости врезался в фургон. Одного из парней Дождя от удара выбросило через лобовое стекло. Молодой парень бывший «голубой берет», был ещё в сознание, когда его черепная коробка протаранила металлическую дверь фуры.

Словно в ответ на глухой стук черепа о металл, створки дверей автофургона распахнулись настежь и застигнутые врасплох люди Дождя с ужасом взглянули в уродливую, глумливую рожу собственной смерти.

– Твою мать, – Выругался Боря Колокольчик, глядя расширенными глазами на направленный в их сторону пулемёт Миниган установленный на турели на площадке грузовой фуры.

Пулемёт ожил, яростный «металлический поток» вырвался из мгновенно раскалившихся до бела дул пулемёта, затопил ужасом, смертью и болью стоящий перед фурой искалеченный джип.

Глазами в которых плескался ужас и страх, Дождь, словно парализованный, следил за тем как чудовищная, адская сила разрывает на части машину и сидящих в нём людей. Обречённый джип, окутал кровавый туман, ошметки растерзанной плоти разлетались в разные стороны вперемишку с кусками металла.

Одна из пуль срикошетив об асфальт, который потемнел от вылившегося на него из пробитого бензобака бензина, выбила искру и вздыбившаяся стена пламени скрыла от Трофимова, агонию его людей.

Бешеный рой пуль, словно раздуваемый ветром огонь, перекинулся на второй джип. Люди Дождя в панике выскакивали из распахнутых дверей обречённого на гибель автомобиля. Но смерть обрушивалась на них всей своей тяжестью, валила с ног, кидала безвольные тела на раскалённое летним солнцем асфальтовое полотно дороги. Словно бабочек прищипливали раскалённым свинцом, жаждущие жизни тела к дороге.

Напуганный близостью смерти Колокольчик завопил от страха, Дождь резко ударил по тормозам. В этот момент объявший, словно пламя, разум страх закончился, умер, бесследно исчез. И тёртый временем криминальный авторитет хладнокровно, отстранённо взглянул на сложившуюся ситуацию. Накаченный адреналином мозг за доли секунд проанализировал сотни вариантов пытаясь найти единственно верный, ведущий к выходу из смертельной ловушки.

К сожалению все варианты заканчивались одинаково плохо. Похоронами Трофимова на которых никто не будет плакать. Хотя нет, один вариант всё – таки был, Дождь мог попробовать выкупить свою жизнь у «костлявой старухи с косой», положив на её алтарь десятков других жизней.

Не сомневаясь в правильности принятого им решения, не думая о последствиях, Дождь изо всех сил рванул руль вправо, направив огромную машину в центр переполненного людьми кафе.

– Твою мать, что – ты делаешь? – Донёсся до Трофимова отчаянный вопль Колокольчика.

Дождь не успел огрызнуться и ответить, «что пытается спасти его задницу». Новый никогда не слышимый им до этого звук, всецело завладел его вниманием и поглотил целиком, пробрав до костей, ввергнув в пучину дикого, нечеловеческого ужас. Дождь понял, этот ужасный звук будет преследовать его всегда, долгими бессонными ночами до самой смерти, но такова цена жизни, заорав словно обезумевший от смертельной раны зверь, Трофимов вжал педаль газа в пол до упора.

Дождь хорошо разобрался в звуках человеческой агонии, знал, с каким звуком ломаются человеческие кости. Любил тихий, шипящий шёпот, с которым нагретый металл впивался в скользкую от страха и пота кожу, Не один раз слышал глухой, влажный звук, с которым выпавшее с девятого этажа тело врежется в землю. И конечно же он знал с каким жадным, голодным звуком крошечный кусочек свинца впивается в беззащитную плоть.

Но тот ужасный звук, с которым человеческие тела «впивались» в «железную шкуру» джипа, словно кровавый град, был ему не знаком.

Упавший на капот парень, протаранил головой лобовое стекло и скатился в сторону, оставив после себя на треснувшем стекле размытый мазок крови. Глупая официантка, словно испуганная лань, бежала перед заляпанной кровью машиной, упорно прижимая к груди бесполезный поднос, словно это был щит, способный защитить её от мчащегося за ней по пятам зла. Споткнувшись о перевернутый стул, девушка с отчаянным воплем рухнула под колёса, джип тряхнуло, когда он переехал через молодое тело официантки. Прорываясь через «поле испуганных человеческих тел», Дождь успел заметить молодую пару, которые так отчаянно вцепились, обнявшись в друг друга, как будто верили, что вдвоём они несокрушимая стена, о которую несущийся на них «металлический монстр» разобьётся вдребезги. За спиной молодых идиотов, виднелась детская коляска и стеклянная витрина кафе, пробив которое он сможет укрыться за стеной из бетона от преследующей его по пятам смерти. До спасительного укрытия было рукой подать, не обращая внимания на истошные вопли людей, умирающих под колёсами его автомобиля, Дождь, не моргнув глазом направил машину в сторону оцепеневшей пары и детской коляски.

В последний момент Сара выхватила ребёнка из коляски и вовремя убралась с ним в сторону, прежде чем джип, «поглотил» беспомощных родителей и сделал малышку сиротой.

Пулемётчик не заметившие исчезновения главной цели азартно разносили в хлам, попавшие в ловушку на дороге автомобиля.

Джип Трофимова с разгону врезался в витрину кафе, осыпав Сару градом битого стекла, влетел внутрь, пронёсся через зал, насквозь пробил две гипсокартонные стены, грузно уткнулся изуродованным капотом в кирпичную стену кухни.

До того как пулемётчик осознают свою ошибку и захочет её исправить остались считанные секунды, времени на раздумья не осталось, что – то подсказало Саре, что кафе полное людей не остановит беспредельщиков на их пути к цели.

Пихнув ребёнка в руки первой попавшейся женщины, она спасла малышу жизнь, а дальше уже начинается промысел божий, Сара молнией метнулась к «плюющемуся смертью» автофургону.

Люди на площадке начали приходить в себя от шока и с криками разбегаться в разные стороны. Казалось эти отчаянные вопли ужаса, привлекли внимание стрелка.

Опьянённый наркотиками и божественной силой разрушения, стрелок бессмысленно улыбался, поворачивая полыхающий жаром ствол пулемёта в сторону огромной дыры в витрине, сделанной автомобилем Трофимова.

Злой рок никак не хотел отпускать осиротевшего несколькими мгновеньями раньше малыша. Женщине, которой Сара отдала ребёнка, оказалась древней старушкой, еле передвигающей ноги из – за скрючившего её артрита.

Крепко прижимая к себе орущего малыша, старушка бесстрашно смотрела за смертоносный цепью из взрывающегося от пуль асфальта быстро приближающегося к ней и её бесценной ноше, ей было жаль, что она не может спасти ребёнка. Всё что она могла, это покрепче прижать к себе малыша и воззвать к богу.

Варвара Петровна, так звали старушку, верила в творца, но всегда полагалась только на себя. И как бы ей не было тяжело в жизни, не просила ни о чём, благодарила за каждый новый день, за насущный хлеб. Так что Варвара Петровна имела право на чудо!

Подбежав к грузовику, Сара прыгнула, словно сорвавшаяся с цепи пантера, разъярённой фурией влетела внутрь грузового прицепа. Опьянённый властью над жизнью и смертью пулемётчик, так и не понял, что с ним произошло. Удар чудовищной силы отбросил его прочь от пулемёта, мужчину, словно взрывной волной, отбросило к задней стенке фургона о которую он и расшибся насмерть. Оставив на стене кровавый след, сполз на пол. Свет в опьянённых силой оружия глазах убийцы померк. Грешная душа на долгий срок отправился гнить в мир наполненный ужасом и болью. В мир существование, которого стрелок всегда упорно отрицал.

Хлопнула автомобильная дверь из кабины грузовика в фургоне которого находилась Сара, выскочил бородатый мужчина, покрытый татуировками в его руке блеснула воронённая сталь, не целясь, открыл беспорядочную стрельбу, надеясь убить Сару. Но молодой женщины уже не было за турелью пулемёта, в смелом, рискованном, отчаянном прыжке перемахнула через изумлённого, фантастическим сальто, бородача. В воздухе над головой бандита, опустила руки, схватила подонка за уши, раздался противный хруст. Сара приземлилась на ноги, татуированный бородач рухнул рядом с вывернутой под неестественным углом шеей.

На улицу опустилась густая тишина, царящие вокруг звуки, странным образом вплетались в неё, вязли в ней, становясь её частью, делая её, тем самым, ещё оглушительнее.

Раздался вой полицейских машин, истеричная рёв сирен карет скорой помощи, стоны раненых, плачь выживших, победоносный рёв огня, пожирающего салоны растерзанных джипов и трупы мёртвых охранников Трофимова.

Вот основные составляющие обрушившейся на улицу, звенящей тишины. В этой мёртвой тишине, Сара, идущая с пистолетом бородача в руке среди трупов в сторону разрушенного

кафе, выглядела особенно жутко. Карие глаза рыжеволосой бестии полыхали гневом и жадой смерти.

Сара не знала, кто скрывался в салоне джипа, всё – что ей надо было знать, это то, что все они покойники. Жалкие ублюдки, ставшие причиной «кровавой бани» больше не имели права на жизнь и Сара была несказанно рада, что именно ей выпала честь им об этом сообщить.

Детский плач, заставил Сару сбиться с шага, выронить из внезапно ослабевших пальцев пистолет, отчаянный крик, рождённый в детских лёгких, отбросил её на много лет назад к детской колыбельке, в которой обитало счастье по имени Мила. Над крохотной кроваткой которой она ночами напролёт стояла в обнимку с улыбающимся мужем.

Пулемётная очередь буквально разрезала Варвару Петровну на пополам. Но старушка получила ответ на свою единственную молитву. Малыш, каким то чудом остался жив. Словно за миг до смерти, Варвара Петровна на пару секунд получила небывалую по своей мощи силу.

Силу, которую потратила на спасение малыша, которого по – прежнему крепко прижимала к груди, защищая от ужаса смерти порождённого живыми.

Чёрт с ними с ублюдками из джипа, с ними она разберётся в другой раз, Сара бережно взяла на руки малыша, начала баюкать, чувствуя как вырванное из сердца чувство возвращается, теплом разливаясь по груди.

Дождь проснулся посреди ночи, задыхаясь от страха сдавившего грудь, почувствовавшее угрозу тело, истолковало её по своему, дрожащая рука выхватило из – под подушки пистолет.

Трофимов в темноте, долго водил пистолетом из стороны в сторону, пытаясь определить откуда исходит угроза, не находя в себе сил успокоиться и унять бешено бьющееся сердце в груди.

Окончательно проснувшись, сообразил, выбившая его из привычной колеи волна страха, поднялась с самых глубин его почерневшей от злодеяний души, выронив пистолет, без сил упал на постель, свернувшись калачиком впервые за долгие годы разрыдался. В последний раз он плакал на похоронах матери двадцать лет назад.

Дождь отчаянно пытался вспомнить, что так сильно его напугало во сне, какие кошмары, призраки из прошлого навестили его сегодня ночью, заставив Трофимова буквально дрожать от страха. Нет, ужас который он испытал не был связан ни с живыми, ни с мёртвыми. Страх завладевший всем его существом был связан с чувством рождённым потерей. Он что – то потерял!

Трофимов удивился, что такого ценного он мог потерять во сне. Рука машинально скользнула под одеяло ощупала промежность, всё на месте. Чего же он лишился? Тень какой потери нависла над ним наполняя сердце болью, чувством невосполнимой утраты. Такое чувство, что из него вырвали кусок по живому. Как ему не было больно и страшно, он не мог вспомнить.

Какая потеря заставила его разрыдаться сейчас? После смерти мамы у него больше не было болевых точек, его нельзя было запугать, им стало невозможно манипулировать, он был неуязвим.

Неожиданно Дождь вспомнил. Воспоминание о матери запустило цепочку ассоциаций, которые разбудили дремлющую память и вернули потерянный сон всё. Сон, который начинался как волшебная сказка, но в какой – то момент превратился в жуткий кошмар.

Дождь вспомнил, доброе, нежное, источающее любовь лицо женщины склонившейся над детской колыбелью, в которой кто – то лежал, но Дождь никак не мог рассмотреть спящего в детской кроватке малыша. Свет, который излучало тело малыша, был настолько ярким, что было больно смотреть и почти невозможно разглядеть лица младенца.

Вырываясь из колыбели яркие лучи гармонично вплетались в сияние исходящее от молодой матери. Мощный поток света, заливал бедно обставленную детскую светом надежды.

Осмотревшись вокруг Трофимов неожиданно понял, он находится в своём старом доме, в своей комнате, значит склонившаяся над колыбелькой женщина его мать, а он сам окутанный мягким сияньем мирно дремлет в крохотной кровати.

Раздался мягкий, нежный шелест, который могут издавать только крылья ангелов и Дождь с болью в сердце увидел как счастливая мать, воркующая над своим единственным ребёнком, тает, исчезает в темноте.

Сон перенёс Трофимова на детскую площадку, залитую невыносимо ярким внутренним светом, исходящим от носящейся туда – сюда счастливой детворы.

Дождь хорошо помнил этот день, он намертво врезался ему в память. Трофимов осмотрелся по сторонам пытаясь отыскать среди играющей детворы себя, а вот и маленький Миша сцепился с другим ребёнком из – за плюшевого медвежонка.

Дождь не смог сдержать улыбки, вспомнив с какой жадностью, хотел обладать этой игрушкой, но бедные родители не могли купить ему дорогую игрушку и в этот день он решил силой забрать её у другого мальчика.

Счастливый обладатель плюшевого чуда, был выше и сильнее Миши, но желание обладать, жадность, злость на родителей, предало юному Дождю сил, он вырвал свою законную добычу из слабых детских рук. Заставив своего противника убежать, прочь, рыдая, призывая на помощь воспитателя.

Дождь с гордостью взглянул на юного себя, удивлённо вздрогнул когда увидел, что внутренний свет источаемый маленьким Мишей померк. Нет, он всё ещё был достаточно ярким, но стал как будто слабей и тело Миши, своей блеклостью, теперь отчётливо выделялось среди резвящейся на площадке детворы.

Нетерпеливый ангел вновь взмахнул крылом и Дождь оказался в грязной заплёванной подворотне пропахшей рвотой и мочой

Ему пятнадцать, в тёмной подворотне возле бара он с приятелями караулит пьяных, что бы сбить с ног и обчистить карманы неудачливых выпивох. Тела Миши и двух его поделщиков всё ещё излучают свет, но это слабый, больной, чахоточный свет.

Торопливо взмахнув крылом, бессердечный ангел увлёк его дальше, не дав сполна насладиться приятным во всех отношениях воспоминанием.

Трофимову двадцать пять, его завёрнутое в тёмный плащ тело всё ещё пытается излучать свет, бороться с впитанной им вместе со злом темнотой. Умирующий свет, мерцает словно лампочка, подключённая к садящемуся аккумулятору, свет не горит, он еле тлеет, задыхается, словно пойманный в ловушку остывшим, очерствевшим телом Дождя.

Из припаркованной неподалёку машины выходит молодой следователь, имя которого время стёрло из памяти Дождя. Молодой следователь, ровесник Миши, оказался тем парнем, которым Трофимову так и не удалось стать.

Расследование, которое ведёт следователь серьёзно угрожает покровителям молодого бандита и ставит его будущее под угрозу. От тела следователя исходит мощное сияние, окружающий его свет настолько яркий, что буквально слепит глаза. Подняв пистолет и нажав на курок, Дождь тушит его словно свечу на ветру.

Крылья ангела подобны буре, их словно паруса, наполняет ярость и негодование.

Дождь вновь переживает вчерашний день, видит свой джип, несущийся сквозь окружённую светом толпу людей. Свет умирает вместе с погибшей плотью. Дождь видит себя, своё обезумевшее лицо, тело которое больше не излучает свет, теперь его окутывает глянцевая темнота, настолько плотная, что напоминает чёрную дыру. Он больше не может излучать свет, но может с жадностью поглощать свет других людей.

Сумрак окутавший его словно кокон настолько плотный, что он даже не может разглядеть собственного лица. Михаил Степанович с тревогой вгляделся в тень, которая заменила ему лицо и с ужасом увидел как из мрака начало проступать уродливое рыло монстра. Он больше

не был человек, он стал чёрной дырой с ненасытной жадностью поглощающей свет и чужие жизни.

Дождь понял, почему ему так плохо и грустно. Он оплакивал потерянный свет собственной души. Остатки которой безвозвратно утратил в учиненной им бойне.

Ангел в последний раз, разочарованно взмахнул крылом и Дождь понял бог в существование которого он никогда не верил, отвернулся от него, потерял из виду его душу, в окутавшей Трофимова темноте.

Звук в коридоре за запертой дверью заставил его вновь схватиться за пистолет. Дом был погружён в сонную тишину. Обычно у двери спальни дежурили двое телохранителей. Дождь не любил тишину, из соседней комнаты, всегда доносилось слабое, умиротворяющее бормотание работающего телевизора. Но сейчас, не было слышно ни звука. Тишина, которую так ненавидел Дождь, окружала со всех сторон, беря в плотное удушливое кольцо, вновь навалился страх. Собственное хриплое, прерывистое дыхание Трофимова кое – как отогнало панику.

Дождь встал с постели, осторожно босиком подошёл к запертой двери, крепко сжимая пистолет правой рукой. Движение тела и тяжесть оружия в руке вернули ему уверенность, прежде чем распахнуть дверь спальни, он приложил ухо к полированному дереву, пытаясь уловить подозрительный шорох, так настороживший его.

Мертвая тишина. Что – бы не дать страху завладеть собой Дождь рывком распахнул дверь, выскочил из спальни, как чёрт из табакерки, готовый к тому, что предательский выстрел наёмного убийцы заставит сердце остановиться, словно сломанный механизм.

Вместо этого его захлестнула волна дикого неконтролируемого ужаса. Его охранники были не просто мертвы, они были буквально растерзаны на части, страшным, неведомым существом одержимым ненавистью и нечеловеческой злобой. Останки бойцов Трофимова были разбросаны по всей комнате.

Поскользнувшись в луже крови, Дождь упал на спину, его растерянный взгляд наткнулся на две оторванные головы под столом. Маска невыразимого ужаса навсегда застыла на мёртвых лицах.

Во время падения Трофимов выронил пистолет, который откатился в сторону. Он был беззащитен и безоружен перед неизвестной опасностью. При таком раскладе жить ему оставалось считанные секунды.

– Ты был очень плохим мальчишкой Миша!

Две стройные ножки затянутые в чёрные нейлоновые чулки с бантами, обутые в туфли на высоком каблуке, застыли рядом с головой Дождя.

Дождь забрался взглядом по стройным ножкам, зацепился за просторную красную мини юбку, скользнул по упругому животу, на мгновение замер наткнувшись на роскошный бюст, в ужасе застыл на окровавленном, ухмыляющемся лице.

– После такого зрелища и умереть не жалко, правда. – Перепачканная кровью блондинка, по приятельски подмигнула ему.

Незнакомка подняла к своему окровавленному лицу руку в которой сжимала кусок кровотокающей печени, с аппетитом вгрызлась в неё так как будто это было яблоко.

Дождь в панике забарахтался в луже крови пытаясь нащупать рукоятку пистолета или хотя бы отползти от этой твари подальше.

– Спорим, до встречи со мной дедуля, ты думал, что это ты плохой?

Красотка рассмеялась небрежно отбросила в сторону недоеденную печень.

– Кто ты? – прохрипел Трофимов, задыхаясь от страха.

– Друг!

Девушка присела на корточки перед стариком, макнув палец в кровь, нарисовала на лбу парализованного ужасом Дождя, перевёрнутый крест.

– Твоя вчерашняя шалость возле кафе привлекла внимание одного из моих клиентов, он очень хочет, буквально горит желанием встретиться с тобой.

– Кто твой клиент? – прошептал Трофимов, кончиками пальцев коснувшись рукоятки пистолета.

– Пусть это будет для тебя сюрпризом дорогой, – сидя на корточках, девушка по шире развела бёдра, что – бы Дождь не сомневался, трусиков на ней нет. – Могу только сказать, хочешь ты или нет, ваша встреча неизбежна и для тебя будет лучше, если вы встретитесь ни на его территории, а на твоей.

– Почему твой клиент хочет меня видеть? – Трофимову надо было выиграть ещё несколько драгоценных секунд.

Ещё чуть – чуть и рукоятка пистолета ляжет в скользкую от крови ладонь и тогда мозги ведьмы дополнят дизайн окровавленной комнаты.

– Вчера ты убил много невинных людей, а ещё больше сделал несчастными, вырвав из жизни их близких и при этом вышел сухим из воды. Как думаешь эти люди всё ещё верят в бога и высшую справедливость.

– Думаю, твоя смерть доставит твоему клиенту море удовольствия.

Дождь проворно вскинул пистолет, но незнакомка оказалась быстрее, перехватив пистолет, без особого труда вырвала оружие из рук Трофимова. Михаил Степанович несмотря на возраст был всё ещё силен как бык и та лёгкость с которой женщина отобрала у него оружие, напугала и обескуражила его ещё сильнее.

– Эй, ты ведь не собираешься терять голову как твои парни? – девушка щёлкнула его по носу и скосилась в сторону оторванных голов под столом.

Незнакомка дразня, помахала перед его лицом пистолетом, взгляд Трофимова невольно задержался на предплечье, на странном родимом пятне, по своей форме напоминавший голову козла.

– Кто ты? – прохрипел Дождь, отчаянно борясь с усиливающимся ужасом.

Судя по всему сумасшедшая баба ввалившаяся в его дом и устроившая в нём кровавую бойню, не стремилась его убить. Её главная задача была устроить встречу Трофимова с таинственным клиентом. Он повторял эту мысль снова и снова, пытаясь успокоиться и взять под контроль овладевший им страх. Но рядом с этой белокурой маньячкой его страх рос и усиливался словно сорвавшаяся с горы снежная лавина, сметающая всё на своём пути.

– Я уже говорила, я твой друг, – девушка приблизила своё лицо к искажённому страхом лицу Дождя, прижалась к его губам своим окровавленным ртом, – по крайней мере, до тех пор, пока не выполню требований своего клиента.

Девушка улеглась в кровавую лужу рядом с Трофимовым, доверчиво положила светлую головку ему на грудь, тихо хихикнула слушая как бешено стучится сердце старика.

– Хорошо я согласен на встречу. Где и когда?

– Вы встретитесь в каком ни будь заброшенном малолюдном месте, желательно чтобы в малолюдном месте когда – то, не важно когда, с хорошими людьми произошло, что – то очень плохое. Понимаешь, о чём я?

– Да. – прошептал Трофимов вспоминая свой сон.

– Ещё тебе надо научиться рисовать и правильно произносить трудные слова на распев.

– А если у меня не получится?

– Не волнуйся дорогой, пока ты не встретишься с моим клиентом, мы будем неразлучны как двое молодых любовников и я позабочусь о том, что бы у тебя всё получилось.

Из коридора донёсся топот бегущих ног. Услышав его, блондинка вскочила на ноги, хищная улыбка, исказила красивое лицо. В этот момент она была словно кошка чувствующая приближение стаи мышей. Девушка молниеносно вскинула пистолет, отобранный у Трофимова.

– А вот и десерт. – расхохоталась она, не забыв подмигнуть Трофимову.

В комнату влетело пятеро ребят Дождя во главе с Борей Колокольчиком.

– Стойте, не стреляйте, – отчаянно закричал Трофимов, вставая между блондинкой и своими боевиками, – здесь все свои.

– Какие на хрен свои, – огрызнулся Боря, но оружие опустил, – она всю охрану во дворе вырубил.

– Они первые начали, – заявила девушка капризно надув губки, к облегчению всех присутствующих она тоже опустила пистолет, – не хотели меня к тебе пускать Пусичка.

– Пусичка? – недоумённо переспросил Колокольчик.

– Уверен это просто недоразумение и мы сейчас вместе во всём разберёмся.

Трофимов поднял руки, желая всех успокоить, стараясь не смотреть на две оторванные головы под столом, он предложил всем успокоиться и убрать оружие. Господи как же он устал!

Первое чему учат девочек в академии истинного пути. Это тому, что сна не избежать, тело и разум устают и им непременно нужна разрядка. Но с помощью релаксации, специальных упражнений и медитации встречу с неизбежным путешествием в ад можно отсрочить на неопределённый срок.

Сара очень хорошо научилась отодвигать встречу с неизбежными страданиями. При каждом удобном случае старалась расслабиться, впасть в транс. Вот и сейчас сидя в засаде, Сара медитировала. Для успешной релаксации лучше всего подходили путешествия в прошлое. Лучшие воспоминания наполненные счастьем, радостью и светом. Совершая эти мысленные путешествия в прошлое, она сегодняшняя старалась максимально слиться с собой тогдашней и заново прожить выбранный промежуток прошлого.

Это было настоящее искусство, одна единственная мысль, малейшая вспышка эмоций или чувств и прошлое на миг ставшее настоящим, опять скроется во тьме померкших, прожитых дней.

Десять лет, этот возраст именно та черта, за которой кончается детство дочерей козла и наступает долгий, изнурительный подготовительный этап к началу пути искупления, который начнётся в восемнадцать лет, когда ад вторгнется в их жизнь и постарается раздавить, подмять под себя сделав своими послушными марионетками.

Восемь лет пролетят очень быстро, за это время девочкам надо научиться контролировать свою силу, научиться противостоять и справляться с тем ужасом, который будет обрушиваться на них каждую ночь с наступлением сна. Они должны стать сильнее и умнее, досконально изучить врага борьбе с которым им придётся посвятить всю свою жизнь, что бы ступив на путь искупления не сойти с него ни под каким предлогом, не спастись перед любыми непреодолимыми препятствиями, встретившимися им на пути и не сдаться на милость хитрого, коварного врага. Они должны стараться пройти как можно дальше по пути искупления, став примером для тех, кто будет идти за ними следом.

Уроки закончились, стайка весёлых, радостно щебечущих учениц выпорхнула из спортзала на встречу свободе, личному времени.

В опустевшем спортзале осталась только одна упрямая рыжеволосая девочка. Тощая, словно тростинка довольно высокая для своего возраста, она прыгала вокруг груши, представляя перед собой врага человеческого, самого дьявола и наносила ему уверенные сокрушительные удары. Сара устала, пот заливал, ел глаза, но дьявол ведь только этого и ждал, что бы она отступила и сдалась перед его мощью. Ловко увернувшись от воображаемого удара, юная воительница сделала дерзкий выпад и нанесла сатане сокрушительный удар, который заставил врага в страхе бежать и забиться в самый глубокий, дальний угол ада.

– Так тебе и надо, – пробормотала Сара, едва держась на ногах, устало обхватила грушу, пахнущую кожей и потом, обеими руками, что бы не упасть.

– Похвально, похвально.

В спортзал вошли две девочки примерно её возраста. Юная блондинка такой красивой, что находясь рядом с ней, Сара почувствовала себя дурнушкой. И темноволосая девочка с безразличным лицом, на котором явственно читалась, «вряд ли этот мир сможет меня чем – то удивить».

Хлопая в ладоши и высокомерно улыбаясь, светловолосая девочка подошла к Саре. Вторая девочка устроилась на скамейке. Достав Чупа-чупс, кинула его в рот, сделала вид что дремлет, пристально наблюдая за Сарой из – под полуприкрытых век.

– Значит считаешь себя круче всех? – блондинка ударила кулаком по груше.

Сара прижавшаяся щекой к груше почувствовала неприятный толчок.

– Чего тебе надо? – Сара отпустила грушу, отошла на шаг назад, подавила желание принять бойцовскую стойку.

– Потренироваться. Не хочешь со мной? – незнакомая девочка приняла воинственную стойку, зло зыркнула на Сару.

– Маринка отстань от новенькой, – лениво осадил подружку черноволосая продолжая грызть конфету.

– Не лезь, – огрызнулась та, не опуская стойку, сделала шаг в сторону Сары, которая вынуждена была отступить перед ней.

– Кто ты? – пробормотала Сара, понимая, драки не избежать.

– Я та самая избранная, – гордо заявила блондинка, – та кто пройдёт путь искупления до конца, кто низвергнет дьявола в бездонную пропасть, кто заслужит прощение творца, кто освободит наших предков из тьмы ада, кто освободит от проклятия потомков...

– Меня зовут Кристина, а эту напыщенную дуру Марина. Говорю сразу мы не подружки, просто мне нравится её доставать, а эта дылда никак не может меня поймать. К стати, не слушай бред который она говорит, – перебила блондинку темноволосая, – Маринка не избранная она шило в заднице и единственная награда которую она получит от творца, это хороший пинок по тощей, высокомерной заднице.

– Заткнись, заткнись, – заорала Марина, выходя из себя, топнув от злости ножкой по полу, бросилась на черноволосую.

Девочка до этого безразлично сидящая на скамейке, приоткрыла полузакрытые глаза и Сара увидела как в её светло – серых глазах отбивают чечётку два весёлых бесёнка.

Блондинка была крупнее и выше на две головы своей обидчицы. Но сероглазая оказалась на редкость проворной девицей в последний момент она весело смеясь, вскочила со скамейки и бросилась на утёк. Удар ногой перебил гимнастическую скамейку пополам, Сара отметила про себя её не дюжею физическую силу.

– Однажды я поймаю тебя дрянь, – красивая мраморная кожа блондинки пошла красными пятнами, – и так отделаю, что сам дьявол будет пускаться на утёк завидев тебя.

Сероглазая девчонка ответила ей новым взрывом хохота. Убегая от преследующей её по пятам блондинки, черноволосая с проворностью маленькой обезьянки прыгала между гимнастическими снарядами, явно издеваясь над разъярённой блондинкой.

Запрыгнув на гимнастическое бревно малышка пробежала по нему хохоча во всё горло, разогнавшись прыгнула намереваясь допрыгнуть до высокого турника и ухватиться за него руками. Но где то в её расчёты вкралась ошибка и разминувшись с перекладиной турника на доли сантиметров, девочка рухнула плашмя на мат почти с двухметровой высоты. Блондинка тут же уселась на неё сверху придавив к полу всем своим весом.

– Сдаёшься? – закричала воинственно сжимая в кулачки маленькие ладошки.

– Вот это я чебурахнулась, – пробормотала сероглазая, игнорируя блондинку.

Марина занесла руку для хорошей оплеухи, но Сара перехватила её.

– Не надо. – Просто сказала она, крепко сжимая запястье девочки.

– Не надо вставать у меня на пути, – блондинка встала, без труда вырвалась из захвата Сары, атаковала её...

На лесной тропинке показался мужчина. Он бежал трусцой, за ним еле – еле тащился джип из опущенных окон которого выглядывали заспанные охранники.

По грунтовой лесной дороге бежал трусцой, спасаясь от преследующих его с самого детства недугов и болезней, Фёдор Эмилевич Лопухаев, больше известный в криминальных кругах как «Оружейник». И не подумаешь, что этот болезненный с виду коротышка в очках с толстыми линзами, упорно сражающийся за своё хилое здоровье, снабжает стволами весь здешний криминалитет. Сара ни на секунду не сомневалась, что именно он доставил пулемёт Минигана Травадонским бандитам.

Сара вышла на середину тропинки, преграждая дорогу бегущему коротышке и его охране. Джип замер на месте, вооруженные телохранители высыпали из остановившейся машины, беря Сару на прицел.

Девушка не обратила никакого внимания на приготовления бандитов. В длинном, мешковатом сером плаще скрывающем её фигуру, с высоко поднятым капюшоном, оставляющим в тени лицо, она была больше похожа на зловещего призрака, чем на живого человека.

– Кто ты? И чего тебе надо? – Оружейник предупреждающе поднял руку, что бы никто из его ребят не спешил с глупостями.

– Моё имя Возмездие и у меня есть для тебя послание, – тихо выдохнула Сара, но местный оружейный барон, её хорошо услышал.

– Какое? – Фёдор Эмилевич подобрался, готовый в любой момент отпрыгнуть с линии огня и дать своим стрелкам сделать решето из этой сумасшедшей бабы.

– Виновен! – Сара выкинула из – за спины руки, в которых держала «Магнумы сорок пятого калибра».

Охрана отреагировала молниеносно, пули выпущенные из смертоносных стволов, бешеными псами набросились на свою жертву, но девушки на тропинке уже не было. Сара размытой серой тенью скользнула в сторону, одновременно давя курки револьверов. Лопухаев так и остался стоять на тропинке парализованный ужасом. Пистолетные выстрелы рвали барабанные перепонки, смерть со свистом кружила вокруг него в безумном танце, стоит ему только пошевелиться и она сцапает его своими холодными, пропитанными ядом руками.

Охваченный ужасом Оружейник даже не заметил как стихла пальба и на тропинку опустилась тишина, прерываемая его тяжёлым дыханием.

– Кому ты продал пулемёт в Травадонске, – тихий голос за спиной заставил его вздрогнуть.

– Если я скажу тебе правду, ты отпустишь меня?

Что – то глубоко внутри подсказывало Лопухаеву, что он обречён и вместо жалких попыток выторговать себе лишнюю секунду жизни, он должен подумать о чём – то стоящем, лучшем, что он сделал в своей жизни, о дочери и сыне.

– Виновен! – прошептала ему в ухо Сара, щелчок взведённого курка, заставил Оружейника без сил упасть на колени.

– Пожалуйста, – захныкал оружейный барон, – я не в чём невиноват, я никого не убивал, я простой продавец оружия.

– Ты можешь уйти с миром и молитвой об отпущение грехов, – в голосе женщины послышалось раздражение, – а можешь уйти со сломанными руками, простреленными ногами и отбитыми почками. Выбор за тобой.

– Ладно, я всё скажу, – Лопухаев разрыдался, – Только пообещай мне, что я ничего не почувствую...

– Думаешь, это сработает? – Боря Колокольчик растерянно с недоверием смотрел на шефа.

В кабинете Дожда царила напряжённая тишина. В голову Трофимова пришла гениальная мысль, как разделаться с окружившими его со всех сторон гиенами – конкурентами. Новой знакомой, криминального авторитета в этом плане отводилась ключевая роль.

– Только представь Колокольчик, я один без охраны заявляюсь к этим шакалам, как думаешь, насколько вырастет мой авторитет в городе.

– Твой авторитет взлетит до небес, только тебе на этот взлёт будет плевать, к этому времени ты будешь уже покойником. – Скептически заявил Боря, с преувеличенным вниманием разглядывая собственные ногти.

Из приёмной раздался взрыв смеха, кажется, Марина нашла общий язык с парнями Дожда. Вот уже пару часов смертоносная психопатка спокойно играла в карты с ребятами, не помышляя никого убить и съесть его печень.

– Со мной будет Марина, – уверенно заявил Трофимов, бросая нервный взгляд в сторону приёмной.

– Да хоть целая армия, она тебя не спасёт, парни Мима разорвут вас на части.

– Ты сам видел на что она способна.

– Да, – согласился Боря Колокольчик рассеяно потирая лоб, – ты уверен, что она и тебя не завалит под настроение.

– Пока я не встречу с её клиентом, мне ничто не угрожает, – Трофимов говорил уверенно, хотя сам не очень сильно верил в свои слова.

– Повторяй это себе по – чаще, – огрызнулся Колокольчик, – у этой бабы полная каша в голове, она же съела печень Саши Вегана. Это какой сукой надо быть, что бы такое сделать? Кстати, зачем она это сделала?

– Если честно Марина и сама не знает, – Дождь растерянно пожал плечами, – По её словам это было спонтанное решение о котором она искренне сожалеет.

Из соседней комнаты раздался пронзительный вопль боли, ругань парней и безумный хохот Марины.

Дождь и Боря Колокольчик мгновенно выскочили из кабинета, опасаясь что девушка и парни Трофимова устроят между собой разборки.

Кричал Саша по прозвищу «Программист», его ладонь была прибита к столу армейским ножом, вокруг валялись карты и деньги, парни отскочив от стола на безопасное расстояние растерянно смотрели на улыбающуюся девушку.

– А не надо было жульничать. – нравоучительно проворковала Марина сгребая к себе лежащие на столе деньги.

– Всё ещё уверен в своём плане? – пробормотал Борис.

– Да поможет нам бог! – обречённо ответил Дождь.

Оружейник и четверо его парней умерли, но прежде Сара получила всю интересующую её информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.